

УДК 821.161.1 – 09

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ

Лавшук Оксана Анатольевна
доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова»,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются важнейшие виды художественного пространства в современной русскоязычной поэзии Беларуси, маркирующие ее национальный образ мира. Анализ пространства русскоязычной поэзии позволяет раскрыть этнокультурный контекст и интерпретировать национальный мир через различные виды хронотопа, посредством которых создается разноплановый образ современной литературы.

Во всех современных гуманитарных науках можно наблюдать повышенный интерес к исследованию менталитета, самосознания, самоидентификации человека и народа. Закономерно, что за последние десятилетия белорусское литературоведение и культурология сделали существенные шаги в определении своеобразия национального образа мира. «Осмысление национальной специфики, самоидентификации писателя, поиски типологической принадлежности к определенной культуре – проблемы, особенно характерные для литератур, которые развиваются в условиях двуязычия или на стыке нескольких культур. В условиях интенсивного обновления национальной идентичности на постсоветском пространстве опыт русскоязычной литературы Беларуси представляется особенно интересным» [5, с. 166].

Без ощущения и понимания собственного «я», культурно-языковой самоидентификации, глубокого национального сознания невозможно полноценное духовное существование этноса. И это аксиологическая истина. Национальный образ мира создается не только в народном сознании, но в художественной культуре в целом и в литературе в частности. Русскоязычная литература Беларуси – своеобразный маркер культурного взаимодействия белорусского и русского этносов – в силу многих факторов занимает особое место в литературно-художественном пространстве конца XX – начала XXI в. Современная русскоязычная поэзия Беларуси содержит целый ряд элементов национальной идентификации, реализующихся с помощью этнокультурных концептов, национально-образной символики, архетипов, системы духовно-ценностных ориентиров, подразумевающих общность ментальных структур и признаков национальной культуры, которая входит в эту поэзию как неотъемлемая часть духовного богатства народа. Маркирование национального образа мира через пространственно-временные формы в русскоязычных текстах также является важнейшей составляющей этнокультурной концептосферы.

При выявлении самобытности этнической среды белорусов, определении системы координат национального мира важно учитывать региональный, или, иначе говоря, местный фактор. Региональный компонент (особенности ландшафта, природы,

быта, языка, топонимики) в значительной степени является предпосылкой формирования взгляда на мир и как чрезвычайно существенный момент в построении национальной модели мира требует целостного осмысления.

Для многих русскоязычных поэтов Беларуси «идентификация с ценностно значимым регионом, отыгрывающим значительную роль в формировании личности, посредством включения себя в группу носителей социокультурных традиций данного региона» [1, с. 273] осуществляется через восприятие художественного пространства с точки зрения его национальной семантики. Для белорусской ментальности характерно своеобразное отношение к родной земле, что проявляется в осознании себя в первую очередь жителем небольшой местности, а уже потом жителем страны или представителем нации. Специфическим проявлением архетипа малой родины является принятие себя как «тутэйшых». «Осознание себя не русскими, не поляками, а «тутэйшыми» было неким пассивным способом защиты самобытности народа и культуры» [3, с. 79], что привело к появлению такой черты в белорусском менталитете, как «абыякавасць», и затруднило формирование национальной идентификации, считают некоторые исследователи. Анализ картины белорусской ментальности, по наблюдению ряда ученых, выявляет такие особенности, как толерантность, чуткость по отношению к представителям иных наций, конфессий, уважение к людям с иным складом мышления и мировосприятием, *отсутствии пространственности* в мышлении белорусов, их тяготение к близким явлениям и понятиям, *стремление к локализации пространства*.

Для многих русскоязычных поэтов Беларусь является их первой и единственной родиной, дающей им поэтическое вдохновение, поэтому естественно употребление в текстах белорусских топонимов: Беларусь, Минск, Витебск, Гродно, Днепр, Березина, Свислочь, Беловежская пуца, Грушевка и др. По мнению известного белорусского лингвиста А.А. Гируцкого, «помимо прямой номинации, они служат опозитивированными наименованиями, часто выступают как символы белорусского края, создают местный, локальный колорит, подчеркивают любовь поэтов к тем местам, где они родились и выросли» [2, с. 71], как, например, в стихотворении «Беловежской пуце» Л.Лушки. Образы *Руси, России* также являются знаковыми, поскольку для многих поэтов Россия является родиной («Ох, какая тоска здесь бывает в предзимнюю пору...» Е. Агиной, «Вдруг молвлю: “Ой ты гой еси!...”» И. Котлярова, «То ли пала мгла, то ли ночь светла...» Ю. Фатнева и др.).

Архетипы *родной земли, малой родины* играют заметную роль в раскрытии национального мира и бытия в творчестве многих русскоязычных поэтов. Особо следует отметить стихотворения, воспевающие красоты Беларуси, её народ, моменты, обращённые к драматическим событиям истории страны. В стихотворениях Бориса Спринчана («Библия Скорины», «Туровщина», «Всеслав Полоцкий», «Белая вежа», «Мирский замок») о любви к Родине говорится тонко и символично: «Словно ангел, дух мой веселя, / Кружит белый бусел в теплой сини» [5, с. 218], или «Светла ты, как поле / С пшеницею спелой, – / Народ не с того ли / Зовет тебя Белой?» [5, с. 222].

Национальный мир белорусов невозможно представить без особого местечково-крестьянского быта, первозданной стихии народной жизни, единства с лесом, полем, садом, вообще природой. Земля отцов для них – это духовно-историческая наследие, вечная и непреходящая ценность бытия. Поэты хотя и уберечь этническую, генную память народа и хорошо осознают, что «тутэйшасць», провинциальность – это частичка целостного представления о белорусском этнокосмосе. Как пишет К.Михеев в стихотворении «Осень в провинции», «*ждет здесь не мир и не град – / место, местечко, предместье*» [7, с. 105].

Многие русскоязычные поэты Беларуси, ориентированные на белорусскую литературную традицию, противопоставляют такие базовые для категории *пространства* концепты, как *город и деревня*. В широком смысле, ментальность белоруса – это ментальность крестьянская. Город для него всегда был местом притяжения и искушения, куда стремились сбежать, тяготясь суровым деревенским патриархальным укладом жизни, или куда вынуждены были бежать, поправ этот уклад и устои.

На современном этапе развития белорусской русскоязычной литературы на первый план в стихотворениях поэтов, описыва-

ющих город, выступает мотив отчуждения. Город выталкивает человека, намекая ему, что он чужд этому пространству. «Где город мой? Нет города... Чужие // Вокруг остались люди и дома...», – пишет Анатолий Аврутин, обращая внимание на свою отгороженность от места, где он существует [7, с. 11]. Городская реальность свидетельствует о негативности, отторженности восприятия: «И небосвод антеннами распорот, // И мертвый ужас вьется над тюрьмой» [7, с. 12]. Лирический герой отвергает это чуждое ему пространство, где о жизни свидетельствует лишь шум («А город жив... Не мой, но шумный город...») [7, с. 11]. И показательна игра слов, на которую сам автор обращает внимание читателя («Не мой, но шумный... – // слышится «немой») [7, с. 11]. Мотив чуждого города может быть противопоставлен образу своего города, Родины: «Пусть он еще исколесит полмира. // Заморские увидит города, // Жалецкий голос, // Тоненький и милый, // В его ушах не смолкнет никогда» (В. Тростянский) [7, с. 168].

Мотив отчуждения прочитывается и в стихотворении В. Кieni «Город приветлив, да ласка – чужая...», где к нему добавляется мотив побега из города в деревню, к истокам, где можно отдохнуть душой: «Город приветлив, да ласка чужая // Лишь выходящих своевременна милость: // Не собираясь, в село уезжаю // первой попуткой – душа утомилась...» [7, с. 79]. Те же мотивы звучат и в стихотворении Л. Лукши «Беловежской пуще» («Родные места, снова вас обнимая, // Я слушаю иволги утренний зов // Колосья полей и тропинка лесная – // я счастлива безмерно, что с вами я вновь. // Что вырвался на день // В родные пенаты // Из мира суетного фальши и лжи... // Гигантов столичных милее мне хаты, // Да шорохи трав, да волнение ржи...») [7, с. 101]), и Ю. Сапожкова «Ночная тишина» («Вновь так желанна в городе большим // Мысль о побеге в деревеньку дальнюю – // Там звуки носят мягкие сандали // Или бесшумно ходят босиком...») [7, с. 139]).

Попытка примирить городскую среду в сознании человека выливается в созидание малого пространства внутри города: город сужается до пределов квартиры, комнаты, кухни, сторожки, где городской хаос сменяется космосом дома, то есть возникает новая оппозиция, которая наполняет концепт *город* новым содержанием – оппозиция *город/дом*. В стихотворении И. Журбина «Я сижу за столом не в своей квартире...» лирический герой говорит о неспособности городского человека проникнуть внутрь себя, понять себя. Парадоксально то, что город, который разрастается до масштабов Державы, предстает пустыней, в которой человек, с одной стороны, одинок, с другой – не может остаться один, чтобы понять и познать себя: «Помолчать // или просто поспать спокойно, // Чтоб настроится по тишине, // Побывать в глубине // Себя, как в утробе матери, // Все труднее с годами // В пустыне Державы, где невозможно уйти // В пустыниники» [7, с. 74]. Именно поэтому более гармонично звучат стихи о доме, который на фоне города выглядит островком спокойствия и уюта, как в стихотворении Татьяны Светашевой «Молоко фонарей» [7, с. 142], или ту же гармонизацию малого пространства можно наблюдать в стихотворении Натальи Татур: «Светает в городе моем. // Так жалобно канючат кошки, // А мы сидим с тобой вдвоем // Внутри строительной сторожки» [7, с. 157]. Как можно заметить, чаще речь в стихотворениях идет о городе вообще, а не о каком-то конкретном городе. Если же возникает образ конкретного города, то он скорее связан с какими-то знаковыми местами (например, в стихотворении О. Нориной «Дождливый день. Гродно» – с образами гродненских костелов: «Костелы, костелы... семнадцатый век. // На серых ступенях – Господь? Человек? // Придавленный каменным черным крестом, // С протянутым в серое небо перстом...») [7, с. 120]) или личностями (Д. Симанович в стихотворении, посвященном Витебску, пишет: «А на фоне старых стен, // что судьба оберегала, // все еще витает тень – // молодая тень Шагала» [7, с. 142]).

Появляются в стихах белорусских русскоязычных поэтов и образы Москвы («Белоруска в Москве... // Словно в море трава, // словно чайка в траве...») Т. Дашкевич [7, с. 52]), Петербурга («И на сенатской было пусто, // И на Дворцовой – ни души...») В. Деркач [7, с. 53], Кракова, Парижа, Варшавы и др. Однако эти города не воспринимаются как чужие: история и культура объединяет. Как пишет Валентина Поликанина, «Родина моей матери – Беларусь, родина отца – Россия. Мне никогда не раз-

лучить в сознании эти две родины, потому что они навсегда слились в моей крови»: «Хоть язык мой – русский, сердцем – белоруска» [6, с. 167].

Национальная картина мира, образ Беларуси – своего рода мозаичное полотно, и это хорошо чувствуют сами поэты, когда говорят, что белорусский образ мира очень разный, даже калейдоскопический. Концепцию национального образа мира вряд ли можно считать на сегодняшний день полностью сформированной, как несомненно и то, что она будет расширяться и дополняться. В то же время следует отметить очевидное влияние категории хронотопа на выработку национальной модели мира.

Список использованной литературы

1. Величко, Т. В. Феномен «Малой родины»: содержание и значение / Т. В. Величко // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе. – Гродно: ГрГУ, 2008. – С. 271–273.
2. Гируцкий, А. А. Русскоязычная поэзия Беларуси в контексте двуязычия (на материале антологии «Современная русская поэзия Беларуси»; сост. А. Аврутин. – Мн., 2003 / А. А. Гируцкий // Вести БГПУ. Серия 1. – 2005. – № 2. – С. 69–72.
3. Игнатович, П. Г. Этнические основания культуры / П. Г. Игнатович, Ю. В. Чернявская. – Минск: Технопринт, 2001. – 99 с.
4. Исповедь: русскоязычная поэзия Беларуси (конец 20 – начало 21 века): для ст. шк. возраста / сост. Т. Ф. Рослик. – Минск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 280 с.
5. Лавшук, О. А. К вопросу о национальном самоопределении современных русскоязычных поэтов Беларуси / О. А. Лавшук // Чтение: рецепция и интерпретация: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2 / ГрГУ имени Я. Купалы; редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2011. – С. 166 – 171.
6. Поликанина, В. П. Живое зерно: избранная лирика / В. П. Поликанина. – 2-е изд. – Минск: Четыре четверти, 2008. – 200 с.
7. Современная русская поэзия Беларуси. Антология / сост. А. Ю. Аврутин. – Минск: УП «Технопринт», 2003. – 200 с.